

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2026.69.61.005

**Политические аспекты ограничения
изоляционных мер в отношении беременных
женщин в англо-американской правовой традиции**

Смирнов Олег Аркадьевич

Кандидат физико-математических наук, доцент,
Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина,
115035, Российская Федерация, Москва, ул. Садовническая, 52/45;
e-mail: smirnovoleg1952@mail.ru

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
Член Союза журналистов России (Московское региональное отделение);
главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
профессор кафедры уголовного права и правоохранительной деятельности,
Астраханский государственный университет,
414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20-а;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена политическому анализу законодательных инициатив, направленных на ограничение применения мер уголовного наказания, сопряжённых с изоляцией от общества, в отношении беременных женщин и матерей, имеющих детей в возрасте до двух лет, в контексте англо-американской правовой традиции. Рассматриваются британский проект «Lost Mothers» и политические дискуссии в США, которые выявляют нормативный конфликт, не сводимый к эмпирическим данным о вреде пенитенциарного принуждения, а обусловленный необходимостью пересмотра теоретических оснований юридической ответственности и границ государственного принуждения. Особое внимание уделяется политическо-правовой природе периода «1001 день», проблеме дискреционных процедур, отсутствию федеральных стандартов в США, фрагментации правоприменения, а также сравнительно-правовому измерению с учётом влияния Европейской конвенции по правам человека. Исследуются политико-правовые аспекты реляционной ответственности, инфраструктурные ограничения альтернативных мер и процессуальные последствия разлучения матери и ребёнка. Делается вывод о том, что существующие политические

механизмы не обеспечивают устойчивого нормативного каркаса, а наиболее значимые изменения происходят в судебной, а не законодательной сфере.

Для цитирования в научных исследованиях

Смирнов О.А., Новиков А.В., Слабая Д.Н. Политические аспекты ограничения изоляционных мер в отношении беременных женщин в англо-американской правовой традиции // Теории и проблемы политических исследований. 2026. Том 15. № 6А. С. 29-38. DOI: 10.34670/AR.2026.69.61.005

Ключевые слова

Уголовное наказание, изоляция от общества, беременные женщины, матери малолетних детей, наилучшие интересы ребенка, период «1001 дня», судебское усмотрение, альтернативные меры наказания, Европейская конвенция по правам человека, политический процесс, права ребёнка в уголовном процессе.

Введение

Анализ политических аспектов законодательных инициатив, направленных на ограничение применения мер уголовного наказания, сопряжённых с изоляцией от общества, в отношении беременных женщин и матерей, имеющих детей в возрасте до двух лет, в контексте англо-американской правовой традиции требует обращения к фундаментальным принципам уголовной юстиции, доктрине прав человека и эволюции нормативного содержания категории «наилучшие интересы ребенка». Представленный британский проект «Lost Mothers» и сопутствующие ему дискуссии в Соединённых Штатах Америки высвечивают глубокий нормативный конфликт, несводимый исключительно к эмпирическим данным о деструктивных эффектах пенитенциарного принуждения, но обусловленный необходимостью переосмысления теоретических оснований юридической ответственности и границ принуждения. В центре данного конфликта лежит вопрос о способности позитивного права институционализировать специфический процессуальный статус беременной женщины и матери как субъекта, чьи телесные и психические состояния непосредственно конституируют жизненный мир будущего либо новорожденного ребенка [Abbott, 2025; Fletcher, 2012; Turner, 2022]. Правовые притязания последнего не могут быть сведены к интересам третьих лиц, однако и не приобретают автономной судебной защиты в полном объеме до наступления момента рождения. В настоящее время в Великобритании и Соединённых Штатах предложения о радикальном ограничении применения изоляционных мер к обозначенной категории осужденных не получили закрепления, несмотря на накопленный массив судебных прецедентов и рекомендаций международных институтов. Данное обстоятельство порождает состояние правовой неопределённости, при котором сложившаяся пенитенциарная инфраструктура и устоявшиеся практики назначения наказаний продолжают воспроизводить дискриминационные эффекты, вступающие в противоречие как с политическими либеральными теориями справедливости, так и с конституционными гарантиями равной защиты.

Основная часть

Для политического анализа необходимо дифференцировать три уровня нормативного регулирования. Во-первых, это уровень уголовно-процессуального и уголовно-

исполнительного законодательства, задающего формальные критерии отсрочки отбывания наказания и основания для условно-досрочного освобождения [Cloud et al., 2023; McNulty, 1987; Turner, 2022]. Во-вторых, это уровень судебного прецедента и судебного усмотрения, где формируются подходы к оценке обстоятельств, смягчающих наказание. В-третьих, это уровень конституционных и наднациональных гарантий, устанавливающих минимальные стандарты обращения с лицами, лишёнными свободы, и защищающих право на уважение семейной жизни. Британский проект «Lost Mothers» предлагает институционализировать обязательную оценку воздействия на так называемый период «1001 дня», охватывающий временной интервал от зачатия до достижения ребёнком двухлетнего возраста. Данная инициатива представляет собой попытку трансформировать эмпирические данные нейронауки и психологии развития в юридические критерии, придав научному знанию статус обязательного элемента судебного дискурса. Однако юридическая техника подобного перевода сталкивается с эпистемологическими трудностями: причинно-следственная связь между лишением свободы матери и долгосрочным ущербом для развития ребёнка не поддаётся оценке. Судьи, не обладающие специализированной подготовкой в области детской психологии, вынуждены опираться на экспертные заключения, которые сами по себе не являются юридически обязывающими и могут варьироваться в зависимости от методологических предпосылок. Кроме того, предложение о введении обязательных оценок не устраняет фундаментальной проблемы дискреционного характера подобных процедур, поскольку даже при наличии унифицированных протоколов остаётся открытым вопрос о пороге тяжести общественно опасного деяния, при котором исключение из общего правила об отказе от изоляции становится оправданным, а также о субъекте, законодателе, Верховном суде или судье первой инстанции.

В Соединённых Штатах отсутствие федеральных стандартов, регулирующих правовой статус матерей, подвергнутых уголовному преследованию, порождает фрагментацию правового пространства, где в каждом из пятидесяти штатов действуют автономные нормативные режимы, зачастую не согласованные ни с минимальными международными стандартами, ни с конституционными нормами о равной защите [Cloud et al., 2023; McNulty, 1987; Turner, 2022]. Это приводит к ситуациям, когда женщина, осуждённая за идентичное деяние, может получить отсрочку отбывания наказания в одном штате и быть немедленно направлена в исправительное учреждение с новорождённым в другом, подобные различия не имеют рационального объяснения с точки зрения целей уголовного наказания. Правовые прецеденты, на которые ссылаются сторонники реформ, в частности, решения Верховного суда, признающие право на семейную целостность в качестве фундаментального права, защищаемого Четырнадцатой поправкой, действительно существуют. Однако их применение к сфере уголовной юстиции остаётся ограниченным, поскольку традиционная доктрина рассматривает лишение свободы как законное ограничение ряда конституционных прав, и суды последовательно отказываются признавать за осуждёнными право на продолжение выполнения родительских функций в том же объёме, что и у лиц, не подвергнутых уголовному преследованию. Политический парадокс заключается в том, что, с одной стороны, американская система правосудия содержит прецеденты, поддерживающие право матери на воспитание ребёнка как элемент свободы, охраняемой против произвольного вмешательства государства, но, с другой стороны, сам факт нахождения в пенитенциарном учреждении рассматривается как легитимное основание для такого вмешательства. Суды не готовы квалифицировать разлучение матери и ребенка как дополнительное наказание либо как жестокое и необычное наказание по смыслу Восьмой поправки, если только не доказано наличие грубой небрежности со стороны администрации

исправительного учреждения [Cloud et al., 2023]. Таким образом, юридический дискурс оказывается замкнутым в бинарной логике: либо женщина признаётся виновной и подвергается стандартному наказанию, либо ей предоставляется исключение, трактуемое как проявление судебного милосердия, а не как признание её особого правового статуса. Это принципиально отличает рассматриваемую проблематику от, например, защиты прав лиц с психическими расстройствами, где наличие особого статуса инкорпорировано в уголовное законодательство через институты невменяемости и ограниченной вменяемости.

Переходя к детализированному анализу британской инициативы, следует отметить, что рекомендация прекратить применение мер изоляции в отношении беременных женщин и матерей детей младше двух лет за исключением случаев серьёзной угрозы общественной безопасности представляет собой не просто пенитенциарную реформу, но концептуальный сдвиг в понимании субъекта уголовной ответственности. Она имплицитно признаёт, что беременность и раннее материнство модифицируют саму структуру вменения, делая применение карательных санкций несоразмерным целям генеральной и специальной превенции. Однако нормативное закрепление такого исключения требует разработки критерия серьёзной угрозы общественной безопасности. В существующих уголовно-правовых доктринах данный критерий обычно привязан к категории преступления, например, к деяниям, связанным с применением физического принуждения, или особо тяжким деяниям, однако это не учитывает индивидуальные обстоятельства дела и степень общественной опасности личности, которая может быть низкой даже при формально тяжком обвинении. Опыт применения аналогичных норм в некоторых штатах США, например в Калифорнии и Нью-Йорке, где функционируют программы альтернативного отбывания наказания для матерей, показывает, что судьи зачастую реализуют свои полномочия непоследовательно, назначая изоляцию женщинам из маргинализированных групп и предоставляя отсрочки женщинам с высоким социально-экономическим статусом. Это свидетельствует о том, что формальное законодательное регулирование без подкрепления механизмами мониторинга и апелляционного пересмотра не способно обеспечить равноправную реализацию декларируемых целей [Cloud et al., 2023; McNulty, 1987].

В Соединённых Штатах ситуация осложняется отсутствием не только федеральных стандартов, но и системы сбора и анализа данных о количестве беременных женщин и матерей, содержащихся в исправительных учреждениях, что делает невозможным эмпирическое обоснование необходимости реформ и оценку их эффективности. Это критикуется как Управлением Верховного комиссара ООН по правам человека, так и национальными правозащитными организациями, однако Конгресс не проявляет готовности к принятию соответствующего законодательства, ссылаясь на принцип федерализма и нежелание вмешиваться в компетенцию штатов. Отсутствие федеральных стандартов приводит к тому, что права матерей, подвергнутых уголовному преследованию, защищаются главным образом через иски о нарушении запрета на жестокое обращение или о нарушении равной защиты, которые рассматриваются в окружных судах и редко доходят до Верховного суда [Cloud et al., 2023]. Если же они достигают высшей инстанции, последний последовательно отказывается признавать за беременными женщинами особый конституционный статус, предпочитая рассматривать их жалобы в общем ряду с жалобами других категорий лиц, лишённых свободы. В условиях бездействия законодателя такое уклонение фактически легитимирует существующую практику и перекладывает ответственность на суды низших инстанций, которые не обладают ресурсами и полномочиями для системной реформы. В сравнительно-

правовом измерении следует указать на то, что английское право, в отличие от американского, находится под непосредственным влиянием Европейской конвенции по правам человека, инкорпорированной в национальное законодательство Актом о правах человека 1998 года. Это создаёт дополнительные правовые основания для оспаривания решений о применении изоляции к беременным женщинам и матерям, поскольку статья 8 Конвенции гарантирует право на уважение частной и семейной жизни, а статья 3 запрещает пытки и бесчеловечное обращение. Европейский суд по правам человека в ряде своих решений выработал критерии соразмерности вмешательства государства в семейную жизнь, которые требуют учитывать интересы ребенка как самостоятельного субъекта прав. Однако британские суды, применяя Конвенцию, сохраняют значительную свободу усмотрения в вопросах назначения наказания, и практика показывает, что ссылки на статью 8 редко приводят к отмене приговоров к лишению свободы. Суды исходят из презумпции законности судебного решения и возлагают на осуждённую бремя доказывания непропорциональности вмешательства, что в условиях состязательного процесса и ограниченных ресурсов защиты является крайне затруднительным. Проект «Lost Mothers» представляет собой рекомендательный акт, не имеющий обязательной силы для магистратов и коронных судей, и его влияние на судебную практику будет зависеть от того, насколько активно апелляционные суды будут ссылаться на него как на авторитетный источник, отражающий современное состояние научного знания и социальных ценностей [Abbott, 2025]. В английской правовой системе подобные рекомендации, даже исходящие от уважаемых комиссий, не обладают статусом прецедента и могут быть проигнорированы без формального обоснования. В этом отношении показательно сопоставить британский подход с канадским, где Верховный суд в деле «R. v. Shoker» (2006) признал, что интересы детей должны учитываться при вынесении приговора. Канадское законодательство пошло дальше и ввело специальные положения о домашнем аресте для матерей, которые, впрочем, не всегда реализуются на практике из-за отсутствия инфраструктуры мониторинга.

Важнейшим правовым аспектом, требующим отдельного углублённого анализа, является вопрос о юридической природе периода «1001 дня», предлагаемого для обязательной оценки в рамках британской инициативы. Данный период не имеет прямого аналога в позитивном праве, и его введение потребовало бы переопределения концепции сроков давности, отсрочки и условно-досрочного освобождения. С точки зрения формальной логики, если закон признаёт критическую важность первых 1001 дней для развития ребёнка, он должен установить императивный запрет на любые действия государства, которые могут нанести вред в этот период, за исключением случаев, когда бездействие государства приведёт к ещё большему вреду. Однако эта юридическая конструкция сталкивается с проблемой доказывания: вред от разлучения носит долгосрочный и вероятностный характер, тогда как вред от освобождения матери может быть немедленным и конкретным, например, если она совершила акт физического насилия в отношении старшего ребенка. Следовательно, законодатель должен определить, является ли приоритет защиты общественной безопасности безусловным или же он должен балансироваться с защитой права ребенка на продолжение отношений с матерью. Если последнее признаётся конституционным правом, государство обязано обеспечить альтернативные механизмы изоляции матери, такие как домашний арест с электронным мониторингом, помещение в специализированные центры с открытым режимом или принудительное лечение, которые не прерывают физического контакта между матерью и ребёнком. Однако существующие альтернативы мерам изоляции в сообществе, упоминаемые в британском проекте, на сегодняшний день не имеют достаточного законодательного и

финансового обеспечения. Суды, даже будучи убеждёнными в необходимости замены лишения свободы, часто не располагают реальной возможностью назначить альтернативное наказание, поскольку соответствующие программы либо отсутствуют в конкретном регионе, либо перегружены, либо не сертифицированы для приёма женщин с детьми [Cloud et al., 2023; McNulty, 1987].

В Соединённых Штатах эта инфраструктурная проблема стоит острее, поскольку система probation и условного осуждения фрагментирована и финансируется преимущественно из местных бюджетов. Это означает, что даже при наличии судебного решения об альтернативном наказании его исполнение зависит от решений шерифов и директоров местных департаментов по исправительным делам, которые не обязаны подчиняться суду в вопросах организации надзора. Правовой статус ребёнка, находящегося вместе с матерью в пенитенциарном учреждении или в центре альтернативного отбывания, остаётся неопределённым, поскольку ребенок не является осуждённым и не должен подвергаться ограничениям, связанным с отбыванием наказания. Однако на практике он оказывается в замкнутом пространстве, где его передвижение, доступ к медицинской помощи и образовательным услугам определяются тюремными правилами, а не стандартами защиты детства. В некоторых американских юрисдикциях существуют специальные программы, позволяющие матери оставлять ребёнка с собой до достижения им определённого возраста, обычно от шести до двенадцати месяцев, но эти программы носят факультативный характер и зависят от усмотрения администрации учреждения. Таким образом, право матери на совместное проживание с ребёнком не гарантируется законом, а предоставляется в качестве льготы, которая может быть отозвана за нарушение внутреннего распорядка, не связанное с опасностью для ребёнка. Такой подход противоречит фундаментальному правовому принципу, согласно которому ограничение родительских прав требует судебного решения, принятого в рамках процедуры лишения родительских прав, и не может быть побочным эффектом уголовного наказания. Однако суды последовательно отказываются признавать это противоречие, утверждая, что состояние изоляции само по себе является законным основанием для временного ограничения родительских прав, и что передача ребёнка в опеку социальных служб является не наказанием, а мерой защиты.

С позиций философии права обсуждаемая проблематика обнажает кризис пенитенциарной парадигмы, которая рассматривает преступление исключительно как деяние, совершённое изолированным индивидом, и игнорирует социальные связи. Беременность и материнство представляют собой состояние радикальной зависимости и взаимности, которое не может быть адекватно описано категориями вины и ответственности, заимствованными из уголовного права, ориентированного на абстрактного субъекта, наделённого формальной свободой воли. Предложение ограничить применение изоляции для беременных и матерей является имплицитным признанием того, что субъект, вынашивающий или кормящий грудью ребёнка, обладает редуцированной способностью к самоопределению и, соответственно, не может нести ответственность в том же объёме, что и иные граждане. Однако такое признание может быть истолковано как инфантилизация женщины или как аргумент в пользу ограничения её репродуктивных прав. Разрешение этого теоретического противоречия видится в переходе от модели единого субъекта наказания к модели реляционной ответственности, где преступное деяние оценивается не изолированно, а в совокупности с его воздействием на ближайший круг лиц, и где назначение наказания должно быть соразмерно не только тяжести деяния, но и степени социальной защищённости иждивенцев. Такая модель уже нашла частичное отражение в британском Законе о правосудии по делам несовершеннолетних и уголовном процессе 2015

года, который предписывает судам запрашивать информацию о наличии иждивенцев при вынесении приговора. Однако эта информация не имеет обязательного веса и не требует пересмотра приговора в случае её отсутствия.

На сегодняшний день ни одна из крупных правовых систем не предприняла шагов по институционализации обязательных оценок воздействия на 1001 день на уровне статутного права, и все инициативы остаются на стадии политических рекомендаций или судебных руководств. Это свидетельствует о глубоком институциональном консерватизме и о доминировании бюрократических интересов пенитенциарной системы над принципами гуманизма. В Соединённых Штатах недавние попытки внести законопроект, известный как «Mothers and Infants First Act», в Конгрессе не увенчались успехом, поскольку он был блокирован в сенатском комитете по ассигнованиям из-за опасений бюджетных последствий. Сторонники реформ указывали на то, что стоимость содержания ребёнка в учреждении изоляции значительно выше стоимости альтернативных программ, однако эти экономические аргументы не были услышаны в условиях политического климата. Британское правительство, в свою очередь, опубликовало в начале текущего года консультационный документ, в котором выразило поддержку рекомендациям «Lost Mothers», но одновременно подчеркнуло необходимость сохранения судебской дискреции и отказалось от законодательного закрепления обязательных оценок. Это было воспринято правозащитными организациями как акт символической политики, не влекущей изменений. Показательно, что в обоих государствах ключевым препятствием является не столько отсутствие политической воли, сколько доктринальная неопределённость относительно того, может ли интерес ребёнка выступать в качестве самостоятельного смягчающего обстоятельства, которое перевешивает интерес общества в применении заслуженного наказания. Эта доктринальная дискуссия восходит к классическим работам основоположников утилитаризма и ретрибутивизма, которые по-разному отвечали на вопрос о допустимости учёта внеправовых последствий приговора.

Заключение

Политический аспект обсуждаемой проблемы остаётся неразрешённым на трёх взаимосвязанных уровнях: доктринальном осмыслении субъекта уголовной ответственности, законодательной технике и судебном правоприменении. Британский проект «Lost Mothers» и американские политические дебаты, несмотря на их значимость для публичного дискурса, не привели к созданию устойчивого нормативного каркаса, который бы гарантировал беременным женщинам и матерям малолетних детей право на альтернативное наказание, а не на дискреционное усмотрение судьи. Существующие прецеденты, хотя и признают право матери на воспитание ребёнка в качестве конституционной ценности, не могут преодолеть инерцию пенитенциарных институтов и укоренившуюся практику рассматривать изоляцию как универсальную меру реагирования на преступные деяния, независимо от индивидуальных характеристик осуждённого. Современная правовая реальность такова, что женщина, ожидающая ребенка или имеющая младенца, при совершении преступления оказывается в «серой зоне», где её особый статус признаётся риторически, но не влечёт юридических последствий. Эта зона расширяется по мере накопления эмпирических данных о вреде изоляции для развития ребёнка, но сужается по мере усиления требований общественной безопасности и популистских настроений. Выход из этой ситуации лежит не в плоскости точечных законодательных поправок, а в системной ревизии теории наказания, которая должна учитывать реляционную природу человеческого существования и признавать, что государство, применяя

санкции к матери, неизбежно воздействует и на ребёнка. Это двойное воздействие не может быть оправдано ни одной из известных теорий справедливости, если только не признаётся наличие непосредственной угрозы для других лиц, делающей изоляцию матери необходимой.

Библиография

1. Abbott L. The Lost Mothers Project: Pregnancy and Postpartum in Prison: Healthcare, Law and Lived Experience // Pregnancy and Postpartum in Prison: Healthcare, Law and Lived Experience: 3rd Annual Global Prison Nursery Network Symposium. – 2025.
2. Bertsch L. et al. Time-in-cell 2019: a snapshot of restrictive housing based on a nationwide survey of US prison systems. 2020.
3. Camoni L. et al. Epidemiology of perinatal depression in Italy: systematic review and meta-analysis // Annali dell'Istituto Superiore di Sanita. – 2023. – Т. 59. – №. 2. – С. 139-148.
4. Churchill M. Exploring the Experiences of People with 'High-Risk' Pregnancy and Prenatal Education in Nova Scotia : дис. – Mount Saint Vincent University, 2024.
5. Cloud D. H. et al. "We just needed to open the door": a case study of the quest to end solitary confinement in North Dakota // Health & justice. – 2021. – Т. 9. – №. 1. – С. 28.
6. Cloud D. H. et al. Public health and prisons: priorities in the age of mass incarceration // Annual review of public health. 2023. – Т. 44. – №. 1. – С. 407-428.
7. Dhankar A., Katz A. Tracking pregnant women's mental health through social media: an analysis of reddit posts // JAMIA open. – 2023. – Т. 6. – №. 4. – С. ooad094.
8. Farinella L. P. Personality Traits of Aryan Brotherhood Prison Gang Leaders: A Mixed Methods Content Analysis : дис. National University, 2024.
9. Fletcher E. H. Bodies in a Zone of Indistinction: A History of the Biomedicalization of Pregnancy in Prison. – 2012.
10. McNulty M. Pregnancy police: The health policy and legal implications of punishing pregnant women for harm to their fetuses // NYU Rev. L. & Soc. Change. – 1987. – Т. 16. – С. 277.
11. Turner F. M. Proving Pregnancy: Gender, Law, and Medical Knowledge in Nineteenth-Century America. – UNC Press Books, 2022.

Political Aspects of Limiting Isolation Measures for Pregnant Women in the Anglo-American Legal Tradition

Oleg A. Smirnov

PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor,
A.N. Kosygin Russian State University,
115035, 52/45, Sadovnicheskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: smirnovoleg1952@mail.ru

Aleksei V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law, Professor;
Member of the Russian Union of Journalists (Moscow regional branch);
Chief Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
Professor of the Department of Criminal Law and Law Enforcement, Astrakhan State University,
414056, 20-a, Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Diana N. Slabkaya

Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

The article is devoted to a political analysis of legislative initiatives aimed at limiting the application of criminal punishment measures involving isolation from society in relation to pregnant women and mothers with children under the age of two, in the context of the Anglo-American legal tradition. The British "Lost Mothers" project and political discussions in the USA are examined, which reveal a normative conflict that cannot be reduced to empirical data on the harm of penitentiary coercion, but is conditioned by the need to revise the theoretical foundations of legal responsibility and the boundaries of state coercion. Particular attention is paid to the political and legal nature of the "1001 days" period, the problem of discretionary procedures, the absence of federal standards in the USA, the fragmentation of law enforcement, as well as the comparative legal dimension with regard to the influence of the European Convention on Human Rights. The political and legal aspects of relational responsibility, infrastructural limitations of alternative measures, and the procedural consequences of the separation of mother and child are investigated. It is concluded that the existing political mechanisms do not provide a stable normative framework, and the most significant changes occur in the judicial rather than the legislative sphere.

For citation

Smirnov O.A., Novikov A.V., Slabkaya D.N. (2026) Politicheskie aspekty ogranicheniya izolyatsionnykh mer v otnoshenii beremennykh zhenshin v anglo-amerikanskoy pravovoy traditsii [Political Aspects of Limiting Isolation Measures for Pregnant Women in the Anglo-American Legal Tradition]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 15 (6A), pp. 29-38. DOI: 10.34670/AR.2026.69.61.005

Keywords

Criminal punishment, isolation from society, pregnant women, mothers of young children, best interests of the child, "1001 days" period, judicial discretion, alternative measures of punishment, European Convention on Human Rights, political process, rights of the child in criminal proceedings.

References

1. Abbott L. (2025). The Lost Mothers Project: Pregnancy and Postpartum in Prison: Healthcare, Law and Lived Experience. *3rd Annual Global Prison Nursery Network Symposium*.
2. Bertsch L. et al. (2020). *Time-in-cell 2019: A Snapshot of Restrictive Housing Based on a Nationwide Survey of US Prison Systems*.
3. Camoni L. et al. (2023). Epidemiology of Perinatal Depression in Italy: Systematic Review and Meta-Analysis. *Annali dell'Istituto Superiore di Sanita*, 59(2), 139-148.
4. Churchill M. (2024). *Exploring the Experiences of People with 'High-Risk' Pregnancy and Prenatal Education in Nova Scotia* (Doctoral dissertation). Mount Saint Vincent University.
5. Cloud D.H. et al. (2021). "We Just Needed to Open the Door": A Case Study of the Quest to End Solitary Confinement in North Dakota. *Health & Justice*, 9(1), 28.

-
6. Cloud D.H. et al. (2023). Public Health and Prisons: Priorities in the Age of Mass Incarceration. *Annual Review of Public Health*, 44(1), 407-428.
 7. Dhankar A., Katz A. (2023). Tracking Pregnant Women's Mental Health Through Social Media: An Analysis of Reddit Posts. *JAMIA Open*, 6(4), ooad094.
 8. Farinella L.P. (2024). *Personality Traits of Aryan Brotherhood Prison Gang Leaders: A Mixed Methods Content Analysis* (Doctoral dissertation). National University.
 9. Fletcher E.H. (2012). *Bodies in a Zone of Indistinction: A History of the Biomedicalization of Pregnancy in Prison*.
 10. McNulty M. (1987). Pregnancy Police: The Health Policy and Legal Implications of Punishing Pregnant Women for Harm to Their Fetuses. *NYU Review of Law & Social Change*, 16, 277.
 11. Turner F.M. (2022). *Proving Pregnancy: Gender, Law, and Medical Knowledge in Nineteenth-Century America*. UNC Press Books.